

ОХОТНИКИ НА ВОЛКОВ

Автор:

[Джеймс Кервуд](#)

Охотники на волков

Джеймс Оливер Кервуд

Книги Джеймса Кервуда

Двое друзей, Ваби и Род, в сопровождении опытного проводника отправляются в опасную охотничью экспедицию. Молодым людям предстоит стать свидетелями битвы скелетов, пережить встречу с индейцами, убежать и догнать, спастись от хищников и едва не погибнуть от ран. Но несмотря на все трудности, только крепнет их дружба и сильнее становится любовь к огромному Северу, хранящему множество ещё не раскрытых тайн.

Джеймс Оливер Кервуд

Охотники на волков

Глава I

Бой в лиственницах

Суровая зима раскинула свой первый покров над Великой Канадской Пустыней. Красный шар луны всходил, освещая слабым светом безмолвную белую ширь. Ни один звук не нарушал её унылого покоя. Дневная жизнь замерла, и не настал ещё час, когда пробуждаются голоса блуждающих во тьме жителей ночи.

На переднем плане, при блеске луны и рассеянном свете миллионов звёзд, поднимались амфитеатром массивы скал, у подножья которых спало замёрзшее озеро. На склоне горы высился сосновый лес, чёрный и зловещий.

Несколько ниже стояли лиственницы, наполовину согнувшиеся под тяжестью придавившего их снега и льда; они стеной окаймляли озеро, окутывая его непроницаемым мраком. Со стороны, противоположной горе, соснам и лиственницам, скалистый амфитеатр переходил в безбрежную белую равнину, совершенно открытую и лишённую деревьев.

Огромная белая сова вынырнула из темноты, широко взмахнув крыльями. Потом она испустила хриплый и заунывный крик, который, казалось, возвещал, что близится наступление таинственного часа властителей ночи.

Снег, в изобилии падавший в течение целого дня, теперь перестал. Ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в воздухе, и хлопья снега, уцепившись за самые тоненькие веточки, так и остались висеть на деревьях. Хотя ветра и не было, но мороз был суровый. Человек, простоявший неподвижно в течение часа, должен был замёрзнуть.

Вдруг молчание нарушилось. Раздался крик, громкий и печальный, как невыразимая жалоба, жалоба нечеловеческая. Если бы она донеслась до ушей человека, то заставила бы кровь быстрее биться в его жилах и судорожно сжала бы в его пальцах приклад ружья.

Крик исходил с белой равнины и отдавался в ночи. Наконец он замер, и молчание, следовавшее за ним, показалось ещё более глубоким. Белая сова, как большой снежный ком, молча пронеслась, быстро взмахивая крыльями, над замёрзшим озером.

Потом, спустя несколько минут, жалобный крик возобновился, но уже слабее.

Человек, привыкший к Великой Белой Пустыне, напрягая слух и всматриваясь в темноту, не колеблясь, признал бы в нём дикий вопль боли и агонии раненого и наполовину сражённого зверя.

В самом деле, в лунном сиянии медленно приближался великолепный лось-самец с той осторожностью, которая свойственна животным, измученным

долгими часами травли. Его гордая голова, склонившаяся под тяжестью массивных рогов, оборачивалась в сторону лиственничного леса, расположенного на другом берегу озера. Животное втягивало воздух, его ноздри расширились. Оно оставляло за собой поток крови. Раненное насмерть, оно с трудом тащилось по мокрому снегу, который покрывал лёд, по-видимому, надеясь найти под сенью деревьев последнее пристанище.

Когда лось уже почти достиг своей цели, он вдруг остановился, закинул голову назад и, подняв кверху морду, насторожил свои длинные уши. Это обычная поза лосей, когда они прислушиваются. А слух их так тонок, что они различают на расстоянии мили всплески воды, встревоженной игрой речных форелей.

Но, казалось, ни один звук не нарушал молчания, только время от времени доносились зловещие крики белой совы, которая была ещё недалеко. Однако мощное животное продолжало стоять неподвижно, к чему-то прислушиваясь, в то время как лужица крови под его грудью расплывалась по снегу. Какие таинственные звуки, неуловимые для человеческого слуха, долетали до его тонких, заострённых ушей? О какой опасности, таившейся в засаде чёрного соснового леса, они вопрошали?

Фырканья животного возобновились. Втягивая ноздрями ночной мрак, оно поводило мордой то на восток, то на запад, чаще всего поворачиваясь к северу.

Вскоре можно уже было различить звуки, которые до тех пор слышны были одному лосю. Отдалённый вой, заунывный и в то же время дикий, нарастал, потом замирал, становясь с каждой минутой всё более определённым. Это был вой волков.

Петля палача для убийцы, осуждённого на смерть, ружьё, взятое на прицел, для шпиона, попавшего в руки врагов, то же, что этот волчий вой для раненого зверя Великой Канадской Пустыни. Старый лось снова опустил свою голову и свои широкие рога и, собрав все силы, побежал мелкими шажками к сосновому лесу.

Он отстоял дальше, но был гуще, чем маленький лесок из лиственниц, и животное инстинктивно понимало, что, если бы ему удалось добежать, оно нашло бы там более безопасное убежище.

Но вот... Да, вот оно прервало свой бег и снова остановилось. Так неожиданно, что передние лапы подогнулись, и оно рухнуло на снег. На этот раз прозвучал ружейный выстрел.

Выстрел мог быть дан по меньшей мере за милю, а может быть, и за две. Но его отдалённость несколько не ослабила страха, заставившего затрепетать издыхающего царя Севера. Утром того же дня он уже слышал этот звук, нанёсший неведомую и глубокую рану самым жизненным частям его тела. Худо ли, хорошо ли, но он поднялся на ноги. Понюхал на север, на восток, на запад. Потом, повернув обратно, скрылся в промёрзшем массиве лиственниц.

После ружейного выстрела снова воцарилось молчание. Оно длилось около десяти минут, когда внезапный вопль прорезал воздух. Но теперь он был уже значительно ближе. Другой ответил ему, потом третий, четвёртый, и скоро это был уже целый хор дико ревущей волчьей стаи.

Почти тотчас же силуэт человека выплыл из лиственничного леса. Лицо его было цвета меди, как у индейцев.

Он прошёл несколько ярдов. Потом, обернувшись к тёмной стене, закричал:

– Идите, Род. Мы на верной дороге, и наша стоянка уже недалеко.

Голос ответил:

– Я здесь, Ваби.

Прошло несколько минут, и показался другой молодой человек, белолицый.

Ему было не больше восемнадцати лет.левой рукой он опирался на толстую палку. Его правая рука, которая казалась серьёзно раненной, была обёрнута большим платком, исполнявшим роль импровизированной повязки. Лицо было всё исцарапано и кровоточило. Весь его вид свидетельствовал о том, что он

дошёл до последней степени изнеможения.

Он сделал ещё несколько шагов, шатаясь и судорожно глотая воздух. Потом палка выскользнула из его пальцев, потерявших чувствительность, и он даже не попытался поднять её. Сознывая свою слабость, он согнул колени и опустился на снег.

Ваби протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

– Как вы думаете, Род, сможете вы идти дальше?

Молодой человек стал на ноги.

– Очень боюсь, что нет, – пробормотал он. – Я дошёл до предела.

И он снова повалился на землю.

Ваби положил своё ружьё и опустился на колени возле товарища.

– Мы вполне могли бы, – сказал он, – расположиться здесь до утра, если бы у нас оставалось больше чем три заряда.

– Всего три? – спросил Род.

– Ни штуки больше. Этого хватит, чтобы убить двух или трёх волков. Я не думал, когда шёл искать вас, что вы забрались так далеко.

Встав перед Родериком, он перегнулся пополам, как перочинный нож, наполовину закрытый.

– Обнимите меня за шею, – сказал он, – и держитесь крепко.

Ваби поднялся со своим грузом, держа Рода на могучих плечах.

Он уже готов был пуститься в путь, когда охотничий клич волков раздался настолько близко, что он остановился в сомнениях.

– Они открыли наш след, – заявил он. – Нечего и думать, что мы сможем удрать. Раньше чем через пять минут они будут здесь.

Страшное виденье пронеслось в его мозгу: смерть другого юноши, на его глазах растерзанного в куски этими хищниками Севера. И он задрожал. Значит, такова же будет участь его товарища и его собственная... Если только... Сбросив раненого с плеч и оставив его, он ещё мог бы убежать. При этой мысли по лицу его прошла судорога, и он сурово усмехнулся. Покинуть Родерика! Не в это ли самое утро, в первой стычке с индейцами, они бок о бок разряжали свои ружья? Не рядом ли с ним упал Родерик в этой битве с раздробленной рукой? Если им суждено через минуту встретиться лицом к лицу со смертью, то и здесь их будет двое. Они умрут вместе.

Решение Ваби было принято моментально. Он вернулся обратно в лиственничный лес, неся Рода на плечах. Для них оставался ещё единственный шанс на спасение: взобраться на одно из деревьев и ждать, пока волки не разбегутся с наступлением дня. Правда, они подвергались бы тогда риску умереть в течение этого времени от холода. Эта битва между ними и волками была бы борьбой на выносливость.

Ваби остановился у подножия большой лиственницы, ветви которой под тяжестью снега пригибались до самой земли, и положил Рода. При свете луны, которая теперь стояла высоко в небе и ярко блестела, он взглянул на белого юношу, лежавшего почти без сознания с полузакрытыми глазами и безжизненными членами. Лицо его было смертельно бледно, и при виде этого призрачного лица верное сердце Ваби сжалось от тоски.

Но прежде ещё, чем он успел подумать, как поднять раненого в надземное убежище, его ухо, привычное к звукам пустыни, насторожилось. Волки приближались! Он скорее почувствовал их, чем услышал. Ибо, приближаясь, кровожадные охотники прекратили свои вопли. Не дожидаясь их, бесстрашно, с громким криком, он выскочил им навстречу.

Они были не больше чем в нескольких шагах от леса, когда он преградил им путь. Это была лишь небольшая шайка, без сомнения авангард. Не теряя ни минуты, Ваби прицелился и выстрелил. Крик боли дал ему понять, что выстрел не пропал даром. Он снова приложился и прицелился так метко, что второй волк подскочил в воздухе, как на пружине, и плашмя повалился на снег, не издав ни

звука. Тогда остальные разбежались, не забыв, однако, захватить с собой труп товарища, чтобы растерзать его где-нибудь поблизости.

Вернувшись к Роду, Ваби с радостью увидел, что тот, преодолев свою страшную слабость, стал понемногу приходить в себя. Тогда он вскарабкался на дерево и втащил его за собой.

– Второй раз вы спасаете меня, – сказал Род. – Первый раз, когда я тонул. Теперь от волков. Я никогда не забуду этого!

Он нежно опустил руку на плечо своего друга.

– Вы вполне отплатили мне сегодня утром, – ответил Ваби. – Ведь если вы так искалечены, так только из-за меня. Кровавая рана предназначалась мне. Мы с вами квиты. – И взгляды обоих юношей встретились, полные дружеского доверия.

Волчий концерт снова начался. Ваби добрался до верхушки дерева, чтобы наблюдать за происходящим. Стая только что вышла из соснового леса, немного повыше, на горе, и теперь спускалась во весь опор по её склону, рассыпаясь среди снега множеством чёрных точек, похожих на муравьёв.

Ответный рёв донёсся со стороны озера, по которому бегом приближалась вторая стая. Оба отряда хищников имели, казалось, в виду одну общую цель: лиственницы, где они должны были соединиться. Всего их было около шестидесяти.

Ваби с трудом втащил Рода несколько выше. Оба они, с единственным зарядом, который у них оставался, молча ждали. В утренней схватке Род лишился своего ружья и боевых припасов.

Между тем Ваби снова взобрался на свой наблюдательный пункт. Вскоре он увидел, что обе волчьи стаи действительно соединились и окружили лес. Казалось, что звери охвачены страшным возбуждением. Они только что наткнулись по дороге на лужицу крови, оставленную издыхающим лосем, и напали на его след.

– Что там происходит? – спросил Род вполголоса.

Чёрные глаза Ваби расширились и загорелись жарким пламенем. Кровь билась в его жилах, и сердце колотилось до боли.

– Это они не за нами, – ответил он после минутного молчания. – Нас они не выследили и не почуяли. Есть какая-то другая добыча. Наше счастье!

Не успел он договорить, как кусты и ветви затрещали в нескольких шагах от их дерева, и юноши увидели огромную тень, которая пронеслась галопом прямо под ними. Ваби успел распознать лося, но он не подозревал, что это тот самый, которому он послал днём пулю, не сразившую его на месте. Волки с хриплым воем и голодным рычанием, временами вырывавшимся из их огромных пастей, преследовали по кровавому следу несчастное животное, пригнувшее голову почти до земли.

Для Ваби это зрелище не было ново, но Род видел его впервые, и, хотя всё произошло с молниеносной быстротой, жуткая картина надолго запечатлелась в его памяти. Долго ещё потом грезилось ему во сне огромное животное, которое, чувствуя себя осуждённым на смерть, мчалось в снежной ночи, испуская жалобные вопли агонии, и настигающая его дьявольская стая хищников пустыни, мощных и быстрых, с худощавыми туловищами, плотно обтянутыми кожей, свирепых, неукротимых и опьянённых близостью добычи.

Ведь он был уверен, что лось будет побеждён в этом неравном поединке и что волки сожрут его до последнего клочка.

– А теперь, – спокойно оказал Ваби, – мы можем спуститься на землю и без страха продолжать наш путь. Они слишком заняты, чтобы интересоваться нами.

Он помог Роду сойти на землю, поддерживая его за ноги. Потом согнулся перед ним, как раньше, и взвалил его себе на спину.

Они вышли из леса лиственниц и прошли так около мили до небольшого потока, покрытого льдом.

– Ваби, – сказал Род, – отдохните, я пойду сам. Я чувствую, что силы мои возвращаются. Поддержите меня только немного.

Оба продолжали путь. Ваби обхватил раненого за талию. Так они прошли вторую милю.

На одном из поворотов долины они вдруг заметили огонь, который весело сверкал близ соснового леса. Костёр был ещё на расстоянии доброй мили, но им казалось, что до него рукой подать. Они приветствовали его радостным криком. Ваби, положив ружьё и отпустив товарища, сложил обе руки около рта в виде рупора и кинул в даль свой обычный сигнальный клич:

– Уа-у-у-у-у. Уа-у-у-у-у.

В тишине ночи призыв долетел до огня. Туманная фигура показалась при свете пламени и вернула клич.

– Это Мукоки, – сказал Ваби.

– Мукоки, – повторил Род со смехом, счастливый, что его тяжёлые испытания приходят к концу.

Но почти тотчас же Ваби заметил, как он пошатнулся, близкий к обмороку. Ему пришлось снова поддержать товарища, чтобы тот не упал на снег.

Если бы в этот вечер взоры юных охотников, лежавших у огня стоянки на замёрзшей Омбакике, могли прозреть тайну будущего и предвидеть все трагические переживания, которые оно им готовило, то, быть может, они отступили бы и вернулись назад к покинутой цивилизации. Но возможно также, что счастливый исход, который должен был увенчать их долгие злоключения, несмотря на всё, повлёт бы их вперёд. Ибо любовь к сильным ощущениям живёт в сердцах юношей, полных жизненных сил.

Но им не приходилось выбирать между этими двумя альтернативами, так как будущее было от них закрыто. Только много позднее, когда протекли уже долгие годы и они, сидя перед весело потрескивающими дровами домашнего очага, могли снова увидеть в её целом всю захватывающую картину своих приключений и восстановить её в своём воображении, они поняли, что ни за какое золото мира не расстались бы до конца дней с этими неизгладимыми и дорогими для них воспоминаниями.

Глава II

Как Вабигун-сын приобрёл вкус к цивилизации

Почти за тридцать лет до времени нашего повествования молодой человек по имени Джон Ньюсом покинул большой город Лондон, чтобы отправиться в Новый Свет. Судьба была жестока к нему. После смерти отца и матери он увидел, что разорён и что ему не остаётся ни гроша из небольшого семейного наследства.

Он высадился в Монреале, и так как это был юноша хорошо образованный, деятельный и предприимчивый, то он быстро создал себе положение. Хозяин, у которого он служил, оказал ему доверие и послал его в качестве уполномоченного, или «фактора», в свою факторию Вабинош-Хоуз, лежавшую очень далеко на севере, в пустынной области озера Нипигон, в направлении Гудзонова залива. Директор фактории является фактически королём обоих владений. На второй год управления Джона Ньюсома ему нанёс визит вождь племени краснокожих Вабигун. Он приехал в сопровождении своей дочери Миннетаки, именем которой, в честь её красоты и добродетели, впоследствии был назван город. Миннетаки была тогда во всём блеске расцветающей молодости, сияя красотой, редкой среди индейских молодых девушек.

Она поразила Ньюсома как удар молнии, и он с первого взгляда влюбился в божественную принцессу. С тех пор он зачастил в индейскую деревушку, вождём которой был Вабигун и которая лежала в тридцати милях от Вабинош-Хоуза, в глубине Великой Белой Пустыни.

Миннетаки не осталась нечувствительной к любви молодого директора. Но вопрос об их браке, быстро решённый с самого начала, натолкнулся на

серьёзное препятствие.

Молодой индейский вождь по имени Вунга также влюбился в Миннетаки. Она же в глубине души ненавидела его. Но Вунга был могущественный вождь, более могущественный, чем Вабигун, который находился от него в зависимости, так как обычно пользовался его территорией для охоты. Значит, надо было с ним ладить. Миннетаки не смела вступить в брак с тем, кого любила.

Неистовое соперничество возникло между обоими претендентами. Двукратное покушение на Ньюсома явилось его результатом, и Вунга отправил Вабигуну ультиматум, требуя, чтобы он отдал за него свою дочь. Миннетаки лично ответила решительным отказом на это требование, и пламя ненависти ещё ярче разгорелось в груди Вунги.

В одну чёрную ночь во главе отряда из мужчин своего племени он напал неожиданно на лагерь Вабигуна. Старый вождь был убит, и с ним десятка два его людей, но главная цель нападения – похищение Миннетаки – не была достигнута. Вунга был отброшен, прежде чем успел завладеть молодой девушкой.

Гонец был спешно отправлен в Вабинош-Хоуз, чтобы сообщить Ньюсому о нападении и о смерти Вабигуна. Молодой директор с дюжиной смелых людей полетел на помощь своей невесте. Вторая атака Вунги окончилась для него полной неудачей, и он вынужден был позорно отступить в пустыню с тяжёлыми потерями среди людей.

Три дня спустя Ньюсом женился на Миннетаки. Начиная с этого момента, открылась кровавая эра, воспоминания о которой надолго сохранились в летописях фактории. Ненависть, рождённая из любви, превратилась в неискупимую и нескончаемую ненависть рас.

Вунга нагло поставил себя и своё племя вне закона и начал истреблять до последнего всех, кто был прежде подвластен Вабигуну. Те, кому удалось спастись, покинули свою старую территорию и укрылись в окрестностях фактории. Тогда для индейских охотников, приглашённых на службу в факторию, наступила очередь жить под постоянной угрозой облавы или убийства из засады.

Ненависть за ненависть, угроза за угрозу воздавалось Вунге и людям его племени. И скоро все индейцы, кто бы они ни были, стали рассматриваться в Вабинош-Хоузе как враги. Всех их принимали за людей племени Вунга и в обыденном разговоре не называли иначе, как «вунгами». Они были избраны хорошей мишенью для любого ружейного выстрела.

Между тем двое детей освятили союз Ньюсома и его прелестной краснокожей. Старший был мальчик, которого в честь старого вождя, его деда, назвали Вабигуном, или, короче, Ваби. Вторая была девочка, на четыре года моложе, которую Ньюсом по имени матери назвал Миннетаки.

Странная вещь: казалось, что почти чистая индейская кровь бежала в жилах Ваби. Ребёнок по виду был настоящим индейцем с макушки головы до кончика мизинца. Он был медного цвета, мускулистый, тонкий и быстрый как рысь, хитрый как лиса, и всё в нём кричало, что он рождён для жизни в пустыне. Но вместе с тем он был очень интеллигентен и часто изумлял даже своего отца.

Миннетаки, напротив, по мере того как росла, всё меньше сохраняла от дикой красоты своей матери и всё больше походила своими манерами и грацией на белую женщину. Если её волосы были черны как смоль и столь же черны её большие глаза, то по тонкости кожи она принадлежала к расе своего отца.

Одним из лучших удовольствий для Ньюсома было заниматься воспитанием своей дикой жены. Вместе с тем оба они стремились к одному: дать маленькой Миннетаки и её брату такое образование, какое получают современные белые дети. Мальчик и девочка начали с посещения в Вабинош-Хоузе школы фактории. Потом их отослали на две зимы в более современную и лучше поставленную школу Порт-Артура, самого близкого из культурных центров. Оба обнаружили блестящие способности.

Так вступил Ваби в свой шестнадцатый год, а Миннетаки – в двенадцатый. Ничто в их обыденной речи не выдавало их принадлежности к индейской расе. Но по желанию своих родителей они владели также и языком предков старого Вабигуна.

В эту пору их ранней юности вунги сделались ещё более дерзки в своих набегах и преступлениях. Они совершенно отказались от всякой честной работы и жили только грабежами и воровством. Маленькие дети всасывали с молоком матери

наследственную ненависть к хозяевам Вабинош-Хоуза, ненависть, о происхождении которой помнил сейчас разве только сам Вунга. Так что в конце концов канадское правительство вынуждено было назначить цену за голову вождя краснокожих и его главных сообщников. Была организована экспедиция, которая отбросила поставленных вне закона индейцев в более отдалённые области. Но сам Вунга не был захвачен в плен.

Когда Ваби исполнилось семнадцать лет, было решено, что он поедет на год в Соединённые Штаты, в какую-нибудь высшую школу. Молодой индеец (действительно, почти все считали его за такового, и он этим гордился) энергично боролся против этого проекта, выдвигая тысячу аргументов. У него была, говорил он, подлинная страсть к Великой Белой Пустыне, всосанная с молоком матери. Всё его существо восставало против тюрьмы больших городов с их суетою, шумом и грязью. Нет, нет, никогда не смог бы он приспособиться к этой жизни.

Тогда вмешалась сестра его Миннетаки. Она просила, умоляла его ехать всего на один год, не больше. Потом он вернётся и расскажет ей всё, что видел, научит и её всему, чему сам научился. Ваби любил свою милую сестрёнку больше всего на свете. Чтобы убедить его, она сумела сделать больше, чем его родители, и он поехал.

Он отправился в Детруа, в штат Мичиган, и в течение трёх месяцев отдавался работе вполне добросовестно. Но с каждой неделей росла в нём тоска одиночества, томительная печаль по покинутой сестре и по Великой Белой Пустыне, которая не расстилалась уже перед его глазами со своими широкими просторами и лесами. Каждый день ложился новой тяжестью на его душу, и единственным утешением были письма, которые он три раза в неделю писал своей любимой сестре. Миннетаки, в свою очередь, писала ему не менее длинные письма, в которых поддерживала и ободряла его. Она делала это также три раза в неделю, хотя почтовый курьер отправлялся из Вабинош-Хоуза всего два раза в месяц.

Именно в это время своей одинокой школьной жизни молодой Вабигун и завязал знакомство с Родериком Дрюи.

Как и Ньюсом, Родерик был дитя горя. Когда его отец умер, он был ещё так мал, что даже не сохранил о нём воспоминания. Мать воспитала его, но небольшой капитал, который у них был, мало-помалу растаял. До последней минуты

боролась она с нуждой, чтобы держать сына в школе. Теперь все источники иссякли, и Родерик готовился бросить свои занятия к концу текущей недели. Нужда стала его неумолимым господином, и он должен был зарабатывать, чтобы жить.

Мальчик рассказывал о своём тяжёлом положении молодому индейцу, который ухватился за него, как утопающий хватается за спасательный круг, и с тех пор они стали неразлучны. Когда Родерик вернулся домой, Ваби тотчас же навестил его.

Миссис Дрюи была женщина интеллигентная. Она приняла Ваби дружески и скоро начала относиться к нему почти с материнской лаской. Под этим живительным влиянием он стал находить ненавистную цивилизацию не такой уж безобразной, и изгнание показалось ему менее горестным. Эта перемена в настроении отразилась в его письмах к Миннетаки, в которых он с восторгом описывал семью своего друга.

Миссис Дрюи получала строки, полные трогательной благодарности, от матери Ваби, и регулярная переписка завязалась между обеими семьями.

Как только Ваби, не знавший теперь одиночества, заканчивал свой школьный день, он шёл к своему другу, который к этому времени также возвращался из торгового дома, где служил. Долгие зимние вечера мальчики коротали вместе. Они усаживались рядом перед огнём камина, и молодой индеец начинал свои бесконечные рассказы о несравненной жизни, которой живут обитатели Великой Белой Пустыни. Род слушал обоими ушами, и мало-помалу в нём зарождалось и росло непреодолимое желание познакомиться с этой жизнью. Они строили планы, придумывали множество всяких походов. Миссис Дрюи слушала то с улыбкой, то со смехом и не говорила «нет» на все эти сногсшибательные проекты.

Но наступает день, когда всему приходит конец. Ваби вернулся в Великую Белую Пустыню к своей краснокожей матери и к своей сестре Миннетаки. Глаза юношей наполнились слезами, когда они прощались, и миссис Дрюи тоже заплакала, видя, как поезд уносит молодого индейца.

Время, следовавшее за этим, было крайне тяжёлым для Родерика. Восемь месяцев дружбы с Ваби пробудили в нём как бы вторую натуру, и ему казалось,

что товарищ, уезжая, увёз с собой частицу его собственной души. Наступила весна, потом лето. Каждый почтовый курьер увозил из Вабинош-Хоуза пакет писем для Дрюи и привозил пакет из Детруа.

Пришла осень, и сентябрьские морозы начали окрашивать в золотые и красные тона листву Северной Земли, когда длинное письмо, полученное от Ваби, вызвало в маленькой квартирке Дрюи сильное волнение, смешанное с радостью и тревогой. Оно сопровождалось вторым письмом от самого директора, третьим – от краснокожей матери Ваби и, наконец, маленькой припиской от юной Миннетаки. Все четыре послания настойчиво требовали, чтобы Родерик и миссис Дрюи приехали провести зиму в Вабинош-Хоузе.

«Не бойтесь, – писал Ваби, – что немедленное оставление места будет связано для вас с денежными потерями. Мы здесь в течение зимы заработаем больше долларов, чем вы сумеете получить их за три года службы. Мы будем охотиться на волков. Наша область изобилует ими, и правительство даёт за каждый скальп премию в пятнадцать долларов. За зимы прошлого и позапрошлого года я убил их по сорок штук. Да я считаю ещё, что охота была неважная. У меня есть прирученный волк, который служит мне сторожем и приманкой. Что касается ружья и прочей экипировки, то не беспокойтесь об этом. У нас здесь найдётся всё, что нужно».

Миссис Дрюи и её сын обсуждали в течение нескольких дней это предложение, прежде чем послать ответ в Вабинош-Хоуз. Родерик умолял принять приглашение. Он рисовал яркими красками счастливую жизнь, которая им предстояла, говорил о чудесном здоровье, которого они там наберутся. Он приводил тысячу самых разнообразных доводов, чтобы добиться желательного ему решения. Мать его была настроена менее восторженно. При том неустойчивом материальном положении, в котором они сейчас находились, не было ли неосторожностью отказаться от скромного, но всё же верного заработка, который обеспечивал им в общем приличную и спокойную жизнь. Жалованье Родерика должно было с течением времени возрасти, и даже этой зимой ему уже обещана была прибавка в десять долларов в неделю.

В конце концов миссис Дрюи уступила. Она согласилась на отъезд Рода, сама же, несколько опасаясь столь дальнего путешествия, решила остаться дома и беречь квартиру. Письмо соответствующего содержания было отправлено в Вабинош-Хоуз с просьбой дать точные указания о маршруте, которого следует держаться Роду.

Ответ пришёл через три недели. 10 октября Ваби встретится с Родом в Шпрусвуде, расположенном на реке Эстюржон, по которой они поднимутся в лодке до озера того же наименования. Там они возьмут билеты на пароход, крейсирующий по озеру Нипигон, и прибудут в Вабинош-Хоуз прежде, чем начинающиеся морозы успеют сковать воды озера.

Времени для необходимых приготовлений к поездке оставалось мало, и четыре дня спустя Род уже прощался с матерью, чтобы сесть на поезд, который должен был умчать его в Шпрусвуд. Там, выходя из вагона, он встретил Ваби, который ждал его в сопровождении одного из индейцев фактории. В тот же день после полудня они начали подниматься по реке Эстюржон.

Глава III

Родерик убивает своего первого медведя

В первый раз в жизни Родерик углубился в самое сердце Великой Пустыни Севера.

Сидя на носу лодки из берёзовой коры рядом с Ваби, он жадно впитывал дикую красоту лесов с их разнохарактерной растительностью и блестящих, как зеркало, болот, мимо которых они скользили по воде, подобно теням, под приглушённые всплески вёсел. Его сердце трепетало от радостного волнения, и насторожённые глаза готовились ежеминутно к встрече с крупной дичью, которая, по словам Ваби, изобиловала на берегах Эстюржона.

На коленях его лежало ружьё Лебеля, привезённое Ваби. Воздух был холодный из-за мороза, ударившего ночью. Время от времени буковые леса, облачённые в пурпур и золото, смыкали над их головами свои густые вершины. За ними тянулись другие леса, из чёрных сосен, которые сбегали к самым берегам реки. Болотные воды просачивались сквозь землю, поросшую лиственницами.

Это безбрежное пустынное одиночество, полное какой-то тайны, успокаивающе действовало на душу. Молчание нарушалось только разрозненными звуками своеобразной жизни пустыни. Куропатки с кудахтаньем убегали в кусты. Почти

на каждом повороте реки стаи уток поднимались от воды, громко хлопая крыльями.

Один раз Род подскочил, услышав среди прибрежного кустарника, на расстоянии брошенного камня, какой-то странный треск. Он увидел, как ветки раздвинулись и пригнулись к земле.

– Лось, – прошептал Ваби за его спиной.

При этом слове Рода охватил трепет, и дрожь пробежала по всему его телу от напряжения и волнения.

Он не обладал ещё ни пресыщенным хладнокровием старых охотников, ни тем стоическим равнодушием, с каким жители Северной Земли воспринимают раздающиеся вокруг них многочисленные крики диких животных. Род был ещё новичком в охоте за крупной дичью. Но скоро ему пришлось познакомиться с ней, и притом очень близко.

После полудня на одном из изгибов реки, по которому они плыли в своей лодке, легко скользя по воде, внезапно показалось множество палых деревьев, сперва отнесённых течением, а потом снова прибитых к берегу. Солнце заходило за лесом, заливая его горячим жёлтым светом. На плавающих деревьях, по которым скользили косые солнечные лучи, лежал зверь.

Пронзительный крик непроизвольно сорвался с губ Родерика. Это был медведь. Он грелся на солнце в его последних лучах, как это любят делать все его сородичи с приближением долгих зимних ночей.

Животное было застигнуто врасплох, причём на очень близком расстоянии. С быстротой молнии, едва сознавая, что делает, Род приложил ружьё к плечу, прицелился и выстрелил.

Медведь с не меньшей быстротой начал уже карабкаться на берег. Он остановился на мгновение, как будто собираясь упасть, потом продолжил своё отступление.

– Вы ранили его, – крикнул Ваби. – Скорей посылайте вдогонку вторую пулю.

Род дал второй выстрел, но он, казалось, не произвёл на медведя никакого впечатления. Тогда, вне себя, забыв, что находится на утлой лодчонке, он резким движением вскочил на ноги и выпустил последний заряд в чернеющий силуэт зверя, который уже скрывался среди деревьев.

Ваби и индеец поспешили перейти на противоположный конец лодки, чтобы переместить центр тяжести. Но их старания были напрасны. Род уже потерял равновесие и, покачнувшись от отдачи ружья, полетел в реку.

Прежде чем он успел скрыться под водой, Ваби схватил ружьё, которое Род ещё не успел выпустить из рук.

– Не делайте лишних движений и держитесь крепко за ваше ружьё. А главное – не старайтесь влезть в лодку, а то мы все вылетим за борт...

Индеец по его приказанию медленно повёл лодку к берегу. Пока это длилось, Ваби с трудом удерживался от смеха при виде торчавшей из воды мокрой головы своего друга и его растерянной физиономии.

– Чёрт побери! Это был изящный выстрел для начинающего. Вы уложили вашего медведя.

Несмотря на всю плачевность своего положения, Род пришёл в хорошее настроение от этой приятной новости. Не успел он почувствовать под собой твёрдую почву, как стремглав понёсся в лес за своим медведем, вырвавшись из объятий Ваби, который под влиянием только что пережитого волнения хотел прижать его к своей груди.

Он нашёл медведя на вершине холма, уже издохшего от двух пуль, из которых одна ранила его в бок, а другая попала прямо в голову. Тогда, перед трупом этого первого крупного зверя, сражённого его выстрелом, мокрый с головы до ног и дрожа всем телом, он мигом забыл о своих компаньонах, занятых причаливанием лодки, и торжествующий победный клич разнёсся на полмили в округности.

Ваби прибежал.

– Чудесное место для стоянки на сегодняшнюю ночь, – сказал он. – Нам здорово повезло. Благодаря вам у нас будет сегодня настоящий пир, а дров здесь хватит, чтобы разложить костёр и изжарить мясо. Вот видите, как я был прав, когда говорил, что жизнь хороша у нас на Северной Земле.

Потом он позвал старого индейца:

– Олла, Муки!

Этот индеец был родственником старого Вабигуна. Его настоящее имя было Мукоки, но звали его просто Муки. С раннего детства Ваби он был его верным товарищем и спутником.

– Муки, ты выпотрошишь нам по всем правилам искусства этого молодца. Ладно? А я займусь тем временем устройством стоянки.

– Можно будет сохранить шкуру? – спросил Род. – Это мой первый трофей, и, конечно...

– Ну, разумеется, можно, – отвечал Ваби. – А пока помогите мне развести огонь. Иначе вы можете простудиться.

Действительно, Родерик, радуясь своей первой ночной стоянке, почти забыл, что промок до костей и что уже наступила холодная ночь.

Скоро длинные языки пламени вырывались из потрескивавшего костра и разливали на тридцать футов вокруг свои свет и тепло. Ваби принёс из лодки тюк с одеялами и, заставив Родерика раздеться, тепло закутал его, а снятое с него мокрое платье развесил близ огня, чтобы оно просохло.

После этого, к великому восхищению Рода, Ваби занялся устройством убежища на ночь, которая обещала быть холодной. Не переставая слегка насвистывать, юноша взял из лодки топор, направился к группе кедров и начал срезать сучья с их веток. Род не хотел оставаться без дела и присоединился к Ваби, подвязав вокруг себя одеяло, отчего он всё время спотыкался и имел довольно забавный

вид.

Две большие, раздвоенные на концах ветки были вертикально вкопаны в землю на расстоянии восьми футов друг от друга. На их разветвлениях было положено горизонтально маленькое дерево, которое должно было послужить основой для крыши. По правую и левую стороны, наклонно к земле, поставили ещё около полдюжины больших веток, в виде остова, и на них набросали сучья кедра. После получаса работы хижина уже приняла определённую форму.

Постройка была почти готова, когда Муки кончил обдирать и разрезать на части своего медведя. На пол хижины были набросаны ветки, испускающие смолистый запах, которые должны были служить ложем.

Скоро большие куски медвежьего мяса были положены на раскалённые угли, а аромат кофе, кипящего в котелке, смешался с аппетитным запахом мучных лепёшек, поджаривавшихся в шипящем жиру на маленькой печке, и тут Род понял, что самые прекрасные из его снов осуществились.

Последовавшие затем три дня пути Род продолжал набираться опыта.

В одно прекрасное морозное утро, прежде чем его спутники проснулись, он, ни слова не говоря, оставил стоянку, вскинув на плечо ружьё Ваби. Он дал два выстрела по красной лани и оба раза промахнулся. Потом он запыхался, преследуя оленя, но с тем же результатом, так как олень спасся от него, бросившись вплавь по озеру Эстюржон.

Глава IV

Родерик отбивает Миннетаки от похитителей

Пароход, на котором они плыли, рассекал спокойные воды озера Нипигон. В один чудесный день Ваби первый заметил своим острым взглядом бревенчатые домики Вабинош-Хоуза, столпившиеся у опушки огромного леса, терявшегося вдали.

В то время как они приближались к берегу, он с радостью показывал Роду магазины фактории, маленькую группу домиков, где жили служащие, и дом директора, который должен был открыть перед Родом свои двери и принять его под свой кров.

Когда берег был уже недалеко, от него отделилась лодка и поплыла навстречу пароходу. Юноши увидели, что кто-то машет им белым платком в знак приветствия. Ваби ответил радостным криком и дал выстрел в воздух.

– Это Миннетаки! – воскликнул он. – Она мне обещала, что будет сторожить наш приезд и сама выедет к нам навстречу.

Миннетаки! Лёгкая нервная дрожь пробежала по телу Рода. Тысячу раз в вечера, проведённые перед огнём в квартирке миссис Дрюи, Ваби описывал ему молодую девушку. Вечно он вплетал свою сестру в разговор, связывал её со всеми проектами, которые они строили, и мало-помалу, сам этого не осознавая, Родерик воспылал мечтательной любовью к той, которую он не видел никогда в жизни.

Молодые люди и Мукоки тотчас же подъехали к ней в береговой лодке.

Вся сияющая, с радостным возгласом, Миннетаки наклонилась к брату, чтобы поцеловать его. В то же время её чёрные глаза бросили любопытный взгляд на того, о ком она так много слышала.

Ей было в то время пятнадцать лет. Подобно всем индейским девушкам её возраста, она была гибка и стройна и походила на вполне сформировавшуюся женщину, особенно своей естественной грацией и женственностью движений. Волна слегка вьющихся чёрных волос обрамляла прелестное личико, как решил про себя Род – одно из самых привлекательных, какие ему когда-либо приходилось встречать. Тяжёлая коса, переплетённая красными осенними листьями, падала на спину Миннетаки.

Она выпрямилась в своей лодке и улыбнулась Роду. Он тоже встал, чтобы вежливо ответить на её приветствие, сняв шляпу, как полагается среди цивилизованных людей. Но в этот самый момент порыв ветра унёс его головной убор в озеро.

Последовал взрыв смеха со стороны юношей и молодой девушки, и старый индеец не замедлил к нему присоединиться.

С этого момента лёд был сломан, и, хохоча, Миннетаки направила свою лодку к его плавающей шляпе. Она выудила её и протянула молодому человеку на конце весла.

– К чему это, – сказала она, – кутать голову до наступления больших холодов? У Ваби тоже есть такая привычка. У меня нет.

– В таком случае и я не стану этого делать, – галантно ответил Род.

И оба, среди взрывов весёлого смеха, почувствовали, что краснеют.

Полное охотничье снаряжение ждало белого юношу в приготовленной для него комнате Вабинош-Хоуза: ружьё системы «Ремингтон» с пятью зарядами, весьма страшное на вид, совсем такое же, как у Ваби, револьвер большого калибра, лыжи и десяток других принадлежностей, необходимых всякому, кто собирается предпринять длительную экспедицию в Великую Белую Пустыню. Род в первый же вечер примерил своё снаряжение.

Ваби тем временем отметил на карте их предполагаемый маршрут и обвёл границы территории их будущей охоты. Волки, постоянно преследуемые в ближайших окрестностях фактории, стали здесь очень редки и слишком осторожны. Но на расстоянии сотни миль к северу и востоку, на землях почти ещё девственных, они водились в изобилии, истребляя массу лосей, ланей и оленей.

Туда-то и предполагал направиться Ваби, там и собирался он зазимовать. Надо было, не откладывая, двигаться в путь и, напав на звериные тропы, в их центре построить как можно скорее, прежде чем начнутся большие снегопады, бревенчатую хижину, в которой охотники смогли бы укрыться в период сильных морозов.

Поэтому было решено, что юноши в сопровождении Мукоки уже через неделю отправятся в свою экспедицию.

Родерик употребил наилучшим образом те несколько дней, которые ему оставалось провести в Вабинош-Хоузе, и в то время как Ваби, по случаю краткого отсутствия своего отца, заменял его в торговых делах, он получал от хорошенькой маленькой Миннетаки свои первые уроки вольной жизни.

Плывя ли в лодке с ружьём в руке или же изучая с её помощью таинственные сигналы лесной жизни, молодой человек не переставал смотреть на девушку с нескрываемым восхищением.

Когда он видел её склонившейся к свежему следу, всю трепещущую, с внезапно загоревшимися и сверкающими, как раскалённые угли, глазами, с тяжёлой копной пропитанных тёплыми отсветами солнца волос, которые падали до земли, она казалась ему очаровательной и живой картинкой и могла, конечно, тронуть сердце восемнадцатилетнего парня. Сотни раз он призывал небеса в свидетели, что, начиная с кончиков её хорошеньких ножек, обутых в мокасины, и кончая макушкой её головы, не было в мире ей равной.

Не один раз делился он своими чувствами с Ваби, который восторженно соглашался с ним. Поэтому-то неделя не успела ещё окончиться, как Миннетаки и Род стали уже неразлучными товарищами. И не без некоторого сожаления встретил молодой охотник занимавшуюся в небе зарю того дня, когда они должны были углубиться в самое сердце Великой Белой Пустыни.

Миннетаки вставала обыкновенно одной из первых в Вабинош-Хоузе. Но Род большей частью поднимался ещё раньше её. В это утро, однако, он немного запоздал, и в то время, как он одевался и занимался своим туалетом, он слышал свист Миннетаки, доносившийся снаружи. Ибо молодая девушка умела свистеть с таким совершенством, которое возбуждало его зависть.

Когда он спустился из своей комнаты и вышел, Миннетаки уже не было. Он нашёл только Ваби, который вместе с Мукоки собирался увязывать мешки с провизией и снаряжением.

Утро было чистое, ясное и холодное, и Род заметил, что тонкий слой льда за ночь покрыл озеро. Раз или два Ваби повернул голову к опушке и бросил в сторону леса свой обычный сигнальный клич по адресу Миннетаки. Никто не ответил.

– Хотел бы я знать, – сказал он, продолжая затягивать ремни вокруг одного тюка, – почему это она не приходит? Скоро уже подадут завтрак. Род, пойдите-ка, поищите её. Хорошо?

Родерик не заставил себя просить вторично. Он быстро побежал по маленькой тропинке, по которой, он знал, всегда гуляла Миннетаки.

Прежде чем скрыться в лесу, эта тропинка тянулась по усеянному камнями песчаному берегу озера.

Так он дошёл до того места, где Миннетаки обычно привязывала свою лодку из берёзовой коры, и понял, что не так давно она должна была пройти здесь. Действительно, лёд вокруг лодки был разбит, и молодая девушка очистила от него воду на протяжении нескольких футов.

С этого места тропинка, на которой запечатлелись следы маленьких ножек, поднималась по береговому склону и подходила к лесу.

Род пошёл по ней и, прежде чем вступить под деревья, закричал в несколько приёмов:

– Олла, о, Миннетаки, Миннетаки!

Он начал звать снова, на этот раз во весь голос. Никакого ответа.

Беспокойство, смутное предчувствие, которого он не мог осознать, заставили его продолжать свой путь через лес, куда вела та же узенькая тропинка.

Он шёл пять, десять минут. Потом позвал снова. То же молчание. Тогда он подумал, что, быть может, молодая девушка пошла другой тропинкой и что сам он забрёл слишком далеко в чащу леса. Но всё-таки он продолжал идти ещё несколько минут и вскоре добрался до места, где тропинку преграждал огромный ствол упавшего дерева, которое медленно гнило, оставляя на земле

слой мягкого, густого, черноватого перегноя. Мокасины Миннетаки отпечатались на нём, как на воске.

Род остановился в недоумении. Он прислушивался, сам не производя ни малейшего шума, но ветер не доносил до него никаких особенных звуков. Одно было несомненно: он находился сейчас на расстоянии более чем мили от фактории и что ни он, ни Миннетаки не могли бы уже поспеть к обычному часу завтрака. Рассматривая в перегное отпечатки следов молодой девушки, он, несмотря на всё своё беспокойство, не мог удержаться от восхищения их миниатюрностью. Кроме того, он обнаружил, что мокасины Миннетаки, вопреки общепринятому обычаю, были на каблучках.

Он с увлечением продолжал свои наблюдения, как вдруг ему показалось, что в отдалении раздался крик. Родерик вздрогнул, кровь в нём закипела, и в следующее мгновение он уже бежал вперёд с быстротой оленя.

Очень скоро он добрался до прогалины, выжженной лесным пожаром.

И тут посредине прогалины глазам его представилось зрелище, от которого кровь застыла в его жилах. По тропинке шла Миннетаки. Её длинные волосы распустились по плечам, глаза были завязаны, рот затянут платком, два индейца с обеих сторон грубо тащили её вперёд.

Род застыл от ужаса. Но это продолжалось одно лишь короткое мгновение. Он быстро овладел собой, и каждый мускул его тела напрягся в ожидании борьбы.

В течение недели он упражнялся в стрельбе из своего револьвера, с которым теперь никогда не расставался. Он вынул его из кобуры. Но мог ли он выстрелить в этих двух негодяев, не рискуя попасть в Миннетаки? Осторожность не позволяла ему отважиться на такой риск. Огромная палка валялась на земле тут же рядом. Он поднял её, рассчитывая воспользоваться ею как дубиной, и побежал вперёд. Сырая почва заглушала шум его шагов.

Он был уже на расстоянии не более десятка футов от поразившей его ужасом группы, когда Миннетаки сделала отчаянное усилие, чтобы освободиться. Один из краснокожих, стараясь удержать её, случайно обернулся назад и вдруг увидел разъярённого, как демон, юношу, который, размахнувшись, опустил на него дубину. Рычание Рода, предостерегающий крик индейца, и бой завязался.

Палка Рода опустилась с глухим ударом на плечо второго индейца, который повалился на землю. Но прежде чем молодой человек успел занять оборонительную позицию, второй противник схватил его сзади и стал душить смертельной хваткой. Неожиданная атака вернула свободу Миннетаки, и она поспешно сорвала повязку со рта и глаз. С быстротой молнии она сориентировалась в ситуации. Род и его противник катались по земле и боролись в рукопашной не на жизнь, а на смерть. Первый индеец, выйдя из оцепенения, начал приподниматься и пополз к месту схватки, чтобы оказать помощь своему товарищу. Миннетаки поняла, что это была верная смерть для её спасителя: лицо её побледнело, а глаза страшно расширились. С судорожным рыданием она схватила палку, брошенную Родом, подняла её и изо всех сил ударила ею по голове краснокожего, который боролся с Родом. Один раз, два раза, три раза поднималась и опускалась палка, и человек разжал наконец руки. Юноша, наполовину уже задушенный, часто задышал.

Однако сражение ещё не окончилось. Второму индейцу удалось подняться на ноги, и, когда храбрая девушка в четвёртый раз занесла свою палку, сильный толчок отбросил её назад, и она почувствовала, что её схватили за горло.

Передышка, которую она дала Роду, оказалась не напрасной. Он мог теперь дотянуться до кобуры своего револьвера. Приставив револьвер к груди своего противника, он выстрелил в упор. Раздался глухой треск, крик боли, и индеец упал навзничь. Увидев это, краснокожий, оставшийся в живых, выпустил Миннетаки и со всех ног пустился бежать в лес.

Миннетаки, совершенно разбитая, столько же страхом и тревогой, как и нечеловеческим напряжением воли, которую она только что проявила, как подкошенная упала на землю, заливаясь горячими слезами. Род подбежал к ней, гладил её по растрепавшимся волосам и успокаивал, как только мог.

Ваби и Мукоки нашли их на том же месте. Они услышали крик Родерика, бросающегося в атаку, и стремглав кинулись на помощь. Крики Миннетаки во время схватки помогли им определить направление, какого следовало держаться. Ещё двое служащих фактории, совершавшие обход, пришли к тому же месту.

Убитый индеец был признан за одного из людей племени Вунга. Миннетаки рассказала, что она отошла ещё недалеко от Вабинош-Хоуза, и её крики легко

могли быть там услышаны, если бы два индейца, неожиданно на неё набросившиеся, не завязали ей тотчас же рот. С дьявольской хитростью они заставляли её всё время идти по узкой тропинке, а сами, держа её с двух сторон за руки, шли сбоку по мху. Поэтому только её следы отпечатались на тропинке там, где почва была помягче. Всякий, кто пошёл бы, как это сделал Род, по следу молодой девушки, неизбежно должен был подумать, что она была одна и прогуливалась в полной безопасности.

Эта попытка похищения Миннетаки, героическое вмешательство Родерика, смерть одного из похитителей вызвали в фактории чрезвычайное волнение. Для всех было очевидно, что сам Вунга должен был блуждать где-то поблизости в окрестностях фактории. Несколько белых семейств, живших в Вабинош-Хоузе, решили организовать облавы на двадцать миль в окружности. Этот район казался достаточным для ограждения от опасности Миннетаки и других молодых девушек. Четверым из самых искусных следопытов колонии было дано специальное поручение разыскивать следы объявленных вне закона индейцев. Ваби, Род и ещё пара десятков мужчин проводили целые дни, рыская по лесам и болотам. Отъезд молодых охотников из-за этого был временно отложен.

Но вунги исчезли так же внезапно, как и появились. Снова стали говорить об отъезде. Не раньше, однако, чем Миннетаки обещала Роду и Ваби быть впредь более осторожной и прекратить свои одинокие прогулки по лесу.

Глава V

Перед лицом пустыни

Четвёртого ноября, в понедельник, Род, Ваби и их старый проводник Мукоки оставили наконец факторию и вступили на стезю приключений, которые ждали их в Великой Белой Пустыне.

Мороз стал крепчать. Озёра и реки уже глубоко промёрзли, и снег разостлал по земле свой первый тонкий покров.

Молодые охотники, которые запоздали на две недели сравнительно со своим первоначальным планом, достигли форсированным маршем северной окраины озера Нипигон и через шесть дней добрались до реки Омбакики. Там они были задержаны сильной снежной метелью.

Была разбита временная стоянка. Во время работы Мукоки открыл первые волчьи следы. Тогда он решил, что они останутся здесь на день-два, чтобы осмотреть окрестности.

На второй день Род и Ваби, отделившись от Мукоки, решили до наступления ночи сделать большой обход, и, воспользовавшись благоприятными условиями, ещё до начала больших снегопадов обследовать более отдалённые места.

Старый индеец остался один на стоянке.

В течение шести дней маленький отряд шёл безостановочно, и единственной его пищей было копчёное сало и консервированная дичь. Мукоки, чудовищный аппетит которого мог сравниться разве только с тем искусством, которое он проявлял для его удовлетворения, решил, если удастся, улучшить содержимое кладовой за время отсутствия своих друзей.

Кроме ружья, он взвалил на плечи два капкана для волков и ненадолго пошёл поохотиться. Осторожно скользил он вдоль реки, зорко всматриваясь и чутко прислушиваясь, в ожидании случайной дичи.

Вдруг он наткнулся на замёрзшее и наполовину объеденное туловище оленя. Ясно было, что животное убито волками в этот самый день или накануне. Следы от лап, оставшиеся на снегу, убедили индейца, что в убийстве и пиршестве приняли участие четыре волка.

Он ни минуты не сомневался, на основании своего многолетнего охотничьего опыта, что волки должны вернуться на следующую ночь, чтобы закончить трапезу. Воспользовавшись этим, он расставил капканы и покрыл их сверху тремя или четырьмя дюймами снега.

Продолжая свой путь, Мукоки напал на свежий след карибу [1 - Карибу – название северных оленей, обитающих в Северной Америке. (Здесь и далее примеч. ред.)]. Уверенный в том, что животное не могло убежать очень далеко

по мягкому снегу, он пошёл по его следу с быстротой, на какую только был способен. Пройдя с полмили, он вдруг остановился и закричал, охваченный бесконечным изумлением. Другой охотник также преследовал зверя по его следам.

С удвоенной осторожностью Мукоки продолжал продвигаться вперёд. На двести футов дальше вторая пара мокасин присоединилась к первой, а немного подальше и третья.

Руководимый скорее любопытством, чем надеждой найти свою долю добычи, индеец молча шёл вперёд между деревьями. Когда он выходил из густой заросли молодых сосен, его ожидал новый сюрприз. Он чуть не грохнулся, наткнувшись на тушу карибу, которого выслеживал.

Краткий осмотр убедил его, что животное было убито не больше чем два часа тому назад. Трое охотников выпотрошили его, унеся сердце и печень. Кроме того, они отрезали и забрали с собой всю заднюю часть, бросив остаток мяса и кожу. Почему они удовлетворились такой незначительной частью добычи? Мукоки снова начал рассматривать отпечаток мокасин. Он констатировал явную поспешность шагов. Неведомые охотники, забрав самые лакомые куски дичи, не хотели больше задерживаться и быстро удрали.

Это послужило новым поводом для изумления индейца. Ворча, вернулся он к мёртвому карибу, быстро ободрал шкуру с его передней части, завернул в неё лучшие куски оставшегося мяса и, нагруженный своей добычей, вернулся на стоянку.

Род и Ваби ещё не возвращались. Мукоки развёл большой костёр, пристроил близ огня на вертеле кусок жаркого и стал ждать. Он ждал долго, и ночь давно уже спустилась, а юноши всё ещё не показывались.

Беспокойство овладело Мукоки, и он начал опасаться, не случилось ли уж какое-нибудь непоправимое несчастье, когда услышал призыв Ваби. Он побежал к нему и увидел, что тот держит на руках почти безжизненное тело Рода.

Раненый был тотчас же перенесён на стоянку. Как только он был уложен на свою постель в построенной из веток хижине, против весёлого огня, который вливал в него жизнь, Ваби дал некоторые разъяснения старому индейцу.

– Я очень боюсь, – сказал он, – не сломана ли у него рука. Муки, есть у тебя тёплая вода?

– Ранен выстрелом из ружья? – спросил Мукоки, не отвечая на поставленный вопрос.

И он опустился на колени рядом с Родом, протянув к нему свои длинные, коричневые пальцы.

– Выстрел из ружья? – повторил он.

Ваби покачал головой:

– Нет, палочный удар. Мы встретили трёх индейцев, которые расположились на привал. Они пригласили нас закусить вместе с ними. В то время как мы ели, ничего не подозревая, они напали на нас сзади. Род получил этот удар и, кроме того, лишился своего ружья.

Мукоки уже раздел мальчика и осматривал его. Левая рука сильно распухла и почти совершенно потемнела. С той же стороны, несколько повыше пояса, виден был большой синяк. Старый проводник был доморощенным, но не лишённым ловкости хирургом, какие встречаются в Великой Белой Пустыне, где не имеется иных учителей, кроме самой жизни. Он поставил свой диагноз, тиская и щипая мышцы, нажимая на кости так основательно, что Род стал в конце концов громко кричать. Но исследование оказалось благоприятным.

– Все кости целы, – с торжеством воскликнул наконец Мукоки. – Здесь (и он показал на синяк) самая большая рана. Почти сломанное ребро. Но не совсем. Этот удар мешать ему дышать и сделать его больным. Дать ему хороший ужин, горячий кофе, натереть медвежьим жиром. Тогда ему чувствовать себя лучше.

Род с полузакрытыми ещё глазами слабо улыбнулся, Ваби облегчённо вздохнул.

– Вот видите, Род, – сказал он, – дело не так уж и плохо, как мы думали. Вы можете смело верить Муки. Если уж он утверждает, что рука не сломана, значит, она не сломана. Вот и всё. Давайте-ка я подоткну под вас одеяло. А потом примемся за ужин. Это самое лучшее лекарство от всех ваших болезней. Я уже

чувствую запах мяса. Да ещё свежего мяса!

Мукоки вскочил на ноги с радостным кудактаньем и поспешно вернулся к своему жаркому. Оно уже приняло чудесный золотистый оттенок, и сок, который оно пускало, щекотал ноздри аппетитным запахом.

Ваби, следуя указаниям старого индейца, занялся перевязкой ран своего друга. Не успел он справиться с этим делом, как все приготовления к пиру были закончены. Он принёс Роду кусок жаркого, весьма приличных размеров, а также лепёшку из ржаной муки и чашку дымящегося кофе. Род весело расхохотался.

– Мне просто неловко, что вы за мной так ухаживаете, – сказал он. – Сколько хлопот я причиняю вам обоим, как будто я какой-то беспомощный ребёнок. И подумать только, что я даже не могу сослаться в своё оправдание на сломанную руку. По правде сказать, я действительно голоден как волк. Вы не находите, Ваби, что я немножко струсил? И испугался так, как будто уже умираю! Я начинаю, в конце концов, жалеть, что у меня и в самом деле не сломана рука.

Мукоки был занят в это время огромным куском жирного мяса, в который запустил свои зубы. Он перестал есть и, подняв свою лоснящуюся физиономию, сказал вполголоса:

– Да, надо ему много больной. Ещё много больной, страшно больной. Ему больше больной, чем он думает...

– Правильно, – закричал Ваби. – Великолепная штука болезнь.

И общая весёлость раскатилась по пустыне взрывами громкого хохота.

Но вдруг молодой человек стал серьёзен. Он бросил подозрительный взгляд в темноту, за пределы освещённого костром круга.

– Вы предполагаете, – спросил Род, – что они способны преследовать нас и здесь?

Ваби вместо ответа приложил палец к губам, и все голоса невольно понизились.

Потом Ваби рассказал старому проводнику о событиях дня. Он снова повторил, как они с Родом в глубине леса, на расстоянии нескольких миль от озера, приняли приглашение троих индейцев и как стали жертвой предательского нападения. Нападение было столь быстро и столь неожиданно, что один из индейцев имел полную возможность сразу же удрать с ружьём Рода, его патронташем и револьвером. В схватке, которая завязалась, Ваби был повержен на землю двумя остальными индейцами, и именно тогда, придя ему на помощь, Род получил два жестоких удара не то палкой, не то ружейным прикладом. Целью нападающих было завладеть ружьём Ваби, как они это сделали с ружьём Рода. Но юноша вцепился в него крепко, и ничто не заставило бы его выпустить из рук своё оружие. Видя это, оба индейца после короткой борьбы быстро скрылись в порослях, удовлетворившись своей первой добычей.

– Я думаю, – закончил Ваби, – что это люди племени Вунга. Но я спрашиваю себя, почему им было с самого начала не убить нас, ведь это так легко было сделать. Казалось, что они это и имеют в виду. Может быть, они боялись мести наших...

Ваби умолк, и в глазах его отразилась внутренняя тревога.

Тогда наступила очередь Мукоки рассказать обо всём, что случилось с ним за день, и об оставленной неведомыми охотниками части убитого ими карибу.

– Любопытная история, – сказал Ваби. – Не думаю, чтобы это были те самые индейцы, которых встретили мы. Но ручаюсь головой, что они принадлежат к той же шайке. Надо полагать, что Вунга имеет в этих краях одно из своих обычных пристанищ. Мы попали в осиное гнездо. Самое лучшее, что мы теперь можем сделать, – это как можно скорее выбраться из этой области.

– Мы послужили бы для них великолепной мишенью, – подтвердил Род.

В самом деле, устроившись вначале в конусе тени, отбрасываемой горой, они были теперь, когда луна поднялась выше, освещены яркими лучами ночного светила, тогда как другой берег реки, напротив, был погружён во мрак.

Тем временем послышался слабый звук, как будто кто-то задел снаружи ветки их хижины. За ним последовало странное фыркание, а потом глухой стон.

– Молчите и слушайте, – приказал Ваби приглушённым голосом.

И он раздвинул сосновые ветки, проделал небольшое отверстие и просунул через него голову.

– Олла, Волк! – прошептал он чуть слышно. – Что там такое?

В нескольких шагах от хижины к одному из кустов было привязано поджарое животное, которое смутно напоминало собаку. Оно вытянулось вперёд, мускулы ног были напряжены, уши настороже.

Присмотревшись к нему, можно было заметить, что это была не собака, а взрослый волк. Взятый в плен ещё детёнышем, он воспитывался как самая настоящая собака, но дикий инстинкт никогда не покидал его. Если бы оборвалась привязь, которая его удерживала, или если бы его ошейник соскользнул с шеи, волк одним прыжком очутился бы в лесу и присоединился бы навсегда к стаям своих собратьев.

Но пока что волк был здесь. Он дёргал за верёвку и с полуоткрытой пастью прислушивался к чему-то, подняв кверху морду.

– Совершенно ясно, что-то происходит недалеко отсюда, – сказал Ваби, просовывая голову обратно в хижину. – Что ты об этом думаешь, Муки?

Протяжный и заунывный вой пленного волка прервал его слова.

Муки встал с быстротой кошки и, вскинув ружьё на плечо, выскользнул наружу. Родерик не испугался и продолжал лежать, а Ваби, взяв второе ружьё, последовал за Муки.

– Оставайтесь здесь и лежите спокойно, – сказал он тихо. – Ваша постель в тени, и пуля не может попасть в вас. По всей вероятности, это просто какое-нибудь животное, наткнувшееся случайно на нашу стоянку. Но всё-таки осторожность требует, чтобы мы убедились в этом.

Десять минут спустя Ваби показался снова.

– Ложная тревога, – сказал он, весело смеясь. – Эта оленья туша, на которую вчера наткнулся Муки, привлекла, как он и предполагал, нескольких волков.

Наш волк почуял своих сородичей и пришёл в волнение. Капканы, расставленные Муки, без сомнения, снабдят нас первыми скальпами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Карибу – название северных оленей, обитающих в Северной Америке. (Здесь и далее примеч. ред.)

Купить: <https://tellnovel.me/ru/dzheyms-kervud/ohotniki-na-volkov>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)